
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ POLITICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 3. С. 3—19.

Woman in Russian Society. 2024. No. 3. P. 3—19.

Научная статья

УДК 316.346.2-055.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.3.1

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВ ЖЕНЩИН В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В 1996—2023 гг.

Ольга Александровна Воронина

Институт философии, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
olga-voronina777@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется развитие исследовательских стратегий и проектов в связи с тем, как в обществе появлялись и менялись установки относительно прав женщин. Автор имеет в виду и общественное сознание, и представления самих ученых, и позицию государства. Проект по изучению массовых и индивидуальных представлений о правах женщин в г. Рыбинске родился в тот период, когда в обществе были сильны ориентиры на построение социального государства, на демократическое развитие, предполагающее соблюдение прав и свобод индивида. Второй из описываемых проектов отражал время формирования государственной политики гендерного равенства и развития национального механизма для ее реализации в регионах страны. Современные подходы к изучению прав женщин носят двоякий характер. С одной стороны, эмпирическая база и тематика исследований сузились и соответствуют ориентации государственной политики на защиту интересов женщин в трудовой и семейной сферах. С другой стороны, очевиден поворот исследований к анализу законодательства, выявление в нем проблемных зон и внесение предложений по его развитию для более эффективного преодоления дискриминации. Это — новый путь, и он дает надежду на позитивные сдвиги.

Ключевые слова: права женщин, дискриминация, равенство, государство, национальный механизм, самосознание, законодательство, исследовательские стратегии

Для цитирования: Воронина О. А. Исследования прав женщин в контексте времени: теория и практика в 1996—2023 гг. // Женщина в российском обществе. 2024. № 3. С. 3—19.

Original article

RESEARCH ON WOMEN'S RIGHTS IN THE CONTEXT OF TIME: THEORY AND PRACTICE IN 1996 — 2023

Olga A. Voronina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, olga-voronina777@yandex.ru

Abstract. The author analyzes the development of research strategies and projects in connection with how attitudes regarding women's rights emerged and changed in society. The article specifically examines public consciousness, the perception of researchers themselves, and the position of the state. A project to study mass and individual ideas about women's rights in Rybinsk was born at a time when society had strong orientations toward building a social state and towards democratic development, which presupposed respect for the rights and freedoms of the individual. The second of the described projects reflected the time of formation of the state policy on gender equality and the development of a national mechanism for its implementation in the regions of the country. Modern approaches to the study of women's rights are twofold. On the one hand, the empirical base and research topics have narrowed and correspond to the orientation of state policy towards protecting the interests of women in the labor and family spheres. On the other hand, it is obvious that research is turning towards analyzing legislation, identifying problem areas in it and making proposals for its development to more effectively overcome discrimination. This is a new path, and it gives hope for positive changes.

Key words: women's rights, discrimination, equality, state, national mechanism, public self-consciousness, legislation, research strategies

For citation: Voronina, O. A. (2024) Issledovaniia prav zhenshchin v kontekste vremeni: teoriia i praktika v 1996—2023 gg. [Research on women's rights in the context of time: theory and practice in 1996—2023], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—19.

В статье рассматривается изменение подходов к изучению прав женщин в течение последних тридцати лет. Проанализировать весь массив исследований невозможно, поэтому задача состоит в следующем: показать развитие исследовательских проектов в связи с тем, как в обществе появлялись и менялись установки относительно прав женщин. Имеются в виду и общественное сознание, и представления самих ученых, и позиция государства. Следует отметить, что во многом предлагаемая автором картина связана с новаторскими исследовательскими проектами Московского центра гендерных исследований (МЦГИ). Сами эти проекты, что будет показано далее, отражали наше становление как исследователей, впервые решивших изучить данную тему с использованием научной методологии.

Начало: обращение к индивидуальному сознанию и опыту

Дискурс прав человека вошел в нашу жизнь около тридцати лет назад. Несмотря на активное использование данного концепта в политических кампаниях и СМИ в 1990-х гг., обычные люди слабо понимали, что это значит для них.

Еще меньше ясности было относительно понятия «права женщин». Ведь и в СССР, и в РФ женщинам и мужчинам формально были гарантированы равные права во всех сферах жизни. Тот факт, что они не всегда и не во всех сферах соблюдались, понимался немногими специалистами. И это при том, что изучение положения женщин было традиционной темой в социологии семьи и труда. Но дискурс работ был общепринятым, никто не поднимал вопроса о нарушении *прав* женщин. Одна из самых очевидных в позднем советском обществе проблем — так называемая двойная нагрузка женщин — обсуждалась в терминологии сочетания семейной и производственной *функций* женщин. А исследования М. Я. Сониной, доказавшие наличие существенного разрыва в оплате мужского и женского труда, не получили значительной поддержки коллег [Сонин, 1977].

Социально-экономические реформы 1990-х гг. привели к возникновению ряда проблем, в том числе к усилению социально-экономической дискриминации женщин (вплоть до массовой женской безработицы). Это требовало понимания и решения, поскольку в обществе нарастала напряженность. Расхожие рецепты вроде «вернуть женщин в семью», которыми изобиловали СМИ тех времен, вступали в противоречие с потребностями экономики и с интересами женщин.

Именно поэтому МЦГИ решил изучить, как понимают свои права обычные женщины, являются ли эти права ценностью, которую им следует защищать. В 1996—1997 гг. мы осуществили масштабное социологическое исследование «Права женщин в России» [Права женщин в России... , 1998]. Для проведения исследования был выбран г. Рыбинск, который в то время по ряду социально-экономических и демографических показателей отвечал статусу среднестатистического российского города. По репрезентативной выборке и стандартизированной анкете был проведен опрос 900 жителей (женщин и мужчин) и собрано 67 глубинных интервью (мужчин и женщин).

Для того чтобы дать респондентам максимальную свободу высказываний, участникам исследования предложили самостоятельно ответить на открытый вопрос «Какой смысл лично Вы вкладываете в понятие “права человека”?». На вопрос ответили 692 респондента, что составляет почти 77 % выборки. Содержание ответов оказалось несколько неожиданным. Вполне понятно, что в ситуации социально-экономического кризиса тех лет 50,1 % всех ответивших так или иначе говорили о правах с точки зрения обеспечения нормальной жизни. Однако то, что 24,0 % понимали права как закон, равный для всех, или как ответственность государства перед человеком, свидетельствовало о становлении правосознания людей. 8,8 % респондентов трактовали права человека как *свободу*. Если вспомнить историю формирования концепции прав человека, то первое поколение прав воспринималось именно как свобода частной жизни и сознания человека от контроля государства. Анализ ответов отдельно женщин и мужчин показал, что гендерные различия в них практически отсутствуют. На первом месте по частоте у тех и других стоит перечисление конкретных экономических и социальных прав.

Поскольку респондентам была предоставлена полная свобода в определении прав человека, ответы содержали самые разные понятия. Для обработки ответов на этот вопрос было решено использовать традиционный количественный контент-анализ всего массива ответов (т. е. не отдельных «текстов», а всей совокупности слов). Самым часто употребляемым во всем массиве ответов является

слово *жизнь* («права человека — это жизнь») — 18,9 % используемого словарного запаса. На втором месте по частоте упоминания стоит *закон* («права как защищенность по закону») — 15,3 % ответов. На третьем месте — *работа/труд* (15,0 % от совокупности слов в ответах), на четвертом месте — *свобода* (6,8 %), и на пятом месте — *заработок* (6,7 %).

Для наглядности было составлено совокупное определение понятия прав человека из слов, наиболее часто используемых респондентами, в порядке понижения их рейтинга: «Права человека — это жизнь, закон, работа, свобода, заработок, защищенность, бесплатное образование и уважение достоинства человека, бесплатное здравоохранение, безопасность, уверенность в завтрашнем дне». Данное определение, безусловно, отразило социально-экономические реалии того времени и заставило вспомнить, что «сознание есть не что иное, как осознанное бытие» (К. Маркс).

Важнейшие «женские» и «мужские» права по оценкам респондентов. После общей оценки предстояло выяснить точку зрения женщин на то, какие права важны для них, а какие — для мужчин. Соответственно мужчин просили оценить важность прав для себя и для женщин.

После анализа ответов было обнаружено, что различия в мнениях двух гендерных групп статистически незначимы. Так, мужчины и женщины оказались единодушными в выборе и определении иерархии важнейших «женских» прав: на первом месте стояло право на безопасную жизнь — так считали 72,2 % женщин и 76,3 % мужчин. Далее (в порядке убывания значимости) — права на «достойный доход»; на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь; на жилье. С позиций современности, наверное, немного поражает тот факт, что на первом месте стоит право на безопасность. Однако в «лихие девяностые» это действительно было значимо, как и право на доход в ситуации усиления безработицы (особенно женской) и постепенного распространения платных услуг в сфере образования и здравоохранения.

На первое место в наборе важных «мужских» прав и мужчины, и женщины поставили право на достойный доход (71,5 % мужчин и 73,4 % женщин). Второе место заняло право на жилье, третье — на защиту от безработицы. При этом респонденты в целом считали защиту от безработицы важной для мужчин (третье место по частоте выбора) и не важной для женщин (она вообще не вошла в пятерку приоритетов для них, хотя основную часть безработных в то время составляли именно женщины). Из этого следует, что мнения респондентов о важности основных прав для женщин и мужчин не слишком сильно различаются и все они так или иначе касаются прав, гарантирующих выживание.

Значимость таких прав, как равенство, свобода слова и политических взглядов, оказалась чрезвычайно низкой для респондентов — они стоят на предпоследнем и последнем месте. Однако здесь все же можно заметить некоторые гендерные различия. Так, важность права на свободу слова и политических взглядов для женщин отметили 14,6 % опрошенных мужчин и 10,8 % опрошенных женщин. Важность тех же прав для мужчин оценивается чуть выше — их отметили 20,8 % респондентов и 20,0 % респонденток. Причем если разница между мужскими оценками этих свобод для женщин и мужчин не столь велика,

то различие женских оценок их важности для самих себя и мужчин значительно: практически в 2 раза.

Что касается оценки важности *равенства прав* женщин и мужчин, то она равна нулю, т. е. ни один респондент из 897 опрошенных (независимо от пола, возраста, образования и социального положения) не выбрал данный пункт. И это несколько противоречит тому факту, что 15,5 % респондентов понимают права как закон, равный для всех. Однако в контексте того времени акцентирование равенства всех слоев общества перед законом — это скорее эвфемизм для обозначения требования ликвидировать привилегии и уравнивать различные социальные слои общества. Готовность признать необходимость гендерного равенства — это иное, и данное исследование показало отсутствие в сознании респондентов указанной ценности.

Вместе с тем более половины респондентов ответили на вопросы о гендерном равенстве в реальной жизни и оценили его весьма адекватно. Так, большинство респондентов (63,4 %) считают, что в семье женщины и мужчины обладают равными правами. Вторая сфера, в которой, по мнению 78,6 % респондентов, женщины и мужчины равноправны, — это образование. Однако в трудовой сфере и в политике женщины имеют меньше прав, чем мужчины, — так думают 51,0 и 79,7 % респондентов соответственно.

В таком случае чем же можно объяснить равнодушное отношение респондентов к самой идее равноправия женщин? С одной стороны, возможно, причина лежит в некоторой «усталости» от навязываемого в советские времена штампа о равенстве прав женщин и мужчин. С другой стороны, это может быть связано с традиционной самоидентификацией женщин. Подавляющее число респонденток-женщин идентифицировали себя прежде всего с семьей, с русскими и с жителями Рыбинска (соответственно 70,0, 40,0 и 38,8 % от числа ответивших на вопрос из этой группы). То есть для них значимой является самоидентификация по половому и национальному признакам, а также по месту проживания. Мужчины идентифицировали себя практически так же, только в несколько иной последовательности: прежде всего с русскими, далее — с жителями Рыбинска и затем — с семьей (46,6, 44,8 и 41,8 % соответственно). По-видимому, кроме отмеченных социально-экономических условий тех лет, именно традиционное самосознание респондентов обусловило и традиционный выбор ими своих прав.

Социально-экономические и демографические различия между женщинами и мужчинами, выбравшими одинаковый набор наиболее важных «женских» и «мужских» прав, были практически невелики. *Этот набор в целом характерен и для всей выборки, из чего можно сделать вывод, что данный набор прав максимально отражал мнение генеральной совокупности.* Таким образом, в результате исследования не подтвердилась гипотеза о том, что установки на равенство и соблюдение прав человека женщин зависят от пола, возраста, уровня образования и социального статуса людей; при этом чем выше уровень образования, социальный статус и меньше возраст, тем более люди ориентированы на принцип эгалитарности.

Кроме того, предполагалось, что у женщин установки на равенство будут выражены более ярко, чем у мужчин. Эта гипотеза также не подтвердилась. В целом выводы коррелируют с обнаруженной немецкой исследовательницей

Э. Ноэль-Нойман унификацией мнений в современном обществе [Ноэль-Нойман, 1996]. Отсутствие значимых различий во мнениях респондентов, выявленное в данном исследовании, может быть объяснено процессами массовизации общества и его сознания, а ограниченность их представлений о правах человека только «правом на выживание» — существующим в то время социально-экономическим кризисом. Однако такое состояние сознания свидетельствует и об известной социальной аномии и социальном отчуждении. Этот эффект также отмечен в исследовании самоидентификации личности, проведенном Ю. Н. Козыревым и П. М. Козыревой в рамках общероссийского представительного опроса [Козырев, Козырева, 1995]. В частности, они выявили широко распространенное социальное отчуждение «среднего человека», его поглощенность кругом повседневных обыденных проблем, минимизацию ответственности за дела общества и даже за свое собственное будущее.

Оценивая полученные результаты, можно отметить, что наибольшую важность для респондентов имеют социально-экономические права, да и то в их очень узком понимании — гарантированная работа и заработок. Практически никто не упомянул право на свободный выбор места работы, на равную оплату за равный труд, даже — на защиту материнства и детства. Однако еще более пугающим оказался тот факт, что вне поля внимания и высказываний респондентов оказались и все другие права — гражданские, политические, культурные. А ведь каждый из этих типов прав касается важнейших аспектов жизни человека. Так, к *гражданским правам* относится право частной собственности, право на охрану семьи, материнства и детства, свобода совести, право на свободное передвижение и свободный выбор местожительства, а также весь комплекс прав, обеспечивающих личную безопасность и неприкосновенность и гарантирующих эффективные меры судебной защиты каждому человеку в случае нарушения его прав. *Политические права* выражают возможность участия в политической жизни — это право на свободу мысли и мнений, право на свободу получения и распространения информации, право избирать и быть избранным и т. д. Политические права являются той основой, которая фактически обеспечивает получение всех других видов прав и пользование ими, поскольку они составляют органическую основу системы демократии и выступают как средство контроля за властью. *Культурные права* обеспечивают доступ человека к благам культуры и позволяют реализовать культурные потребности человека.

Итак, в своих ответах респонденты апеллировали только к тем правам, которые обеспечивают выживание. Если сравнить эти данные с результатами, полученными примерно в то же время в исследовании И. Б. Михайловской, Е. Ф. Кузьминского и Ю. Н. Мазаева, то можно увидеть постепенные изменения в сознании людей [Михайловская и др., 1995]. Так, хотя в 1993—1994 гг. респонденты и выделили в качестве важнейшей ценности социально-экономические права, но они также в качестве равновеликой ей ценности выбрали и право на судебную защиту своей личности и имущества (по 95,8 %). На третьем и четвертом месте стоят право на справедливое вознаграждение за труд и гарантии от необоснованного увольнения с работы. Право на свободный выбор места жительства, на частную собственность и свободное получение информации занимают шестое, седьмое и восьмое места (63, 54 и 49 % респондентов

соответственно). Однако такие права, как свобода совести и политических взглядов, оказались важными только для 30 и 22,5 % респондентов соответственно. В ответах респондентов нет таких алармических нот, как в исследовании МЦГИ, — права еще не определяются так узко, речь еще не идет о простом выживании. Ситуация, по-видимому, резко изменилась в 1996 г., когда начались повальные невыплаты зарплат и пенсий. По данным ВЦИОМа, именно в этом году большая часть их респондентов назвала главным событием года невыплаты; причем президентские выборы были оценены как главное событие почти в 2 раза меньшим числом респондентов. Аналогичные данные были получены и в томском исследовании [Кандыба и др., 1996], где респондентам было предложено оценить по пятибалльной шкале значимость лично для них различных гражданских, политических, социальных и экономических прав и свобод. Самые высокие оценки получили право на медицинское обслуживание, на образование, на труд, т. е. социальные права. Меньше всего баллов получили гражданские и политические права: на свободу объединений, на свободу мысли и слова и т. д. [там же: 26]. Половина респондентов томского исследования считали, что благополучие общества зависит прежде всего от соблюдения социальных прав, и только 27 % — что оно зависит от гражданских и политических прав [там же: 28]. Практически и исследование МЦГИ, и два упомянутых исследования свидетельствуют об одном: респонденты не верят, что для них возможно осуществление своих политических, гражданских и экономических прав.

В целом исследование в Рыбинске показало:

— пол, возраст, образование, социальный статус не оказывали существенного влияния на правосознание наших респондентов и не продуцировали разницы в оценках. Права человека — за исключением тех, которые обеспечивали выживание, — воспринимались как некая абстракция, не имеющая отношения к реальной жизни людей;

— для сознания респондентов были характерны неверие в действенность закона и социальная апатия. Вместе с тем ответы большинства респондентов свидетельствовали, что они сами готовы преступить закон;

— нарушение прав женщин не осознавалось как проблема не столько в силу сексизма, сколько в силу того, что в целом нарушение прав человека вообще не осознавалось как проблема, имеющая отношение к реальной жизни жителей Рыбинска.

Данное исследование было проведено в сложный период социально-экономических и политических трансформаций. И это, безусловно, не могло не отразиться на сознании людей, которые вынуждены были приспосабливаться к новым реалиям. В СССР все привыкли к тому, что права «даруются» государством, что права и интересы отдельного человека второстепенны по сравнению с интересами государства. Однако в качестве компенсации государство выполняло патерналистские функции по обеспечению некоторого объема социальных благ и гарантий. Именно поэтому ответы респондентов в первые постсоветские годы демонстрировали высокую потребность населения в социальной защите, понимание прав человека как социальных гарантий, которые должно предоставлять государство.

Вместе с тем ответы демонстрировали и начавшиеся изменения правосознания. Одним из подтверждений этого можно назвать выдвижение «достатка» (денег) как главного рычага в отстаивании своих прав и оттеснение «связей» на вторую позицию. В советское время именно связи, обусловленные должностным и общественным положением индивида, являлись гарантией соблюдения прав. Но в конце 1990-х гг. при защите своих прав экономический капитал стал более значимым, чем социальный.

Переход от изучения индивидуального сознания к анализу социальной политики

С 1995 по 2010 г. государство уделяло значительное внимание улучшению ситуации с правами женщин, поддерживало международно-правовые документы в этой области, создавало собственную нормативно-правовую базу и формировало специальные структуры национального механизма по осуществлению политики гендерного равенства. Вместе с тем за это время возникло многочисленное сообщество исследователей прав женщин и гендерной проблематики, появились женские неправительственные организации, была накоплена значительная база данных о ситуации с правами женщин.

В таких условиях стало возможным расширить направления исследований — перейти от сбора эмпирических данных к изучению индивидуального сознания и анализу государственной социальной политики в области прав женщин. Этому был посвящен проект МЦГИ «Создание сети экспертов по правам женщин в регионах России и подготовка рекомендаций для развития региональных структур национального механизма по гендерному равенству», в котором участвовали десять приглашенных экспертов, представлявших свои регионы — Воронежскую область (Е. И. Якушкина), Краснодарский край (А. А. Гнедаш), Москву (М. Е. Баскакова), Нижегородскую область (И. В. Зороастрова), Пермский край (Е. В. Базуева), Республику Татарстан (Е. В. Машкова), Ростовскую (В. В. Кижикина), Самарскую (Л. Н. Попкова), Саратовскую (Е. Р. Ярская-Смирнова), Свердловскую (Е. Г. Трубина) области [Права женщин и институты... , 2010].

В 2008—2010 гг. эксперты собрали и проанализировали информацию о соблюдении прав женщин: *гражданских* (доступ женщин к политическим институтам — региональным органам власти, местному самоуправлению); *экономических* (доступ к занятости, равная оплата труда, профессиональная сегрегация, доступ к собственности и возможности занятия бизнесом); *социальных* (доступ к бесплатному здравоохранению, образованию). В ходе исследований были рассмотрены: региональное законодательство и иные нормативные акты; региональный бюджет (с точки зрения доли регионального бюджета, идущей на нужды женщин, семей и детей); существующие в регионах административные структуры, механизмы и программы по защите прав женщин, включая интеграцию женщин в деятельность органов местного самоуправления; региональная статистика; результаты уже проведенных в регионах исследований по правам женщин; образовательные программы по правам человека.

Это был масштабный проект, позволивший собрать и проанализировать значительный массив данных в 10 регионах страны. В настоящей статье автор остановится только на беглом обзоре достижений и проблем каждого региона.

Основные проблемы схожи во всех изученных регионах.

Первая из них — нарушение трудовых прав женщин. Прежде всего это выражается в дискриминации при оплате труда, что связано с имеющейся горизонтальной и вертикальной сегрегацией рынка и стереотипами. Эксперты также отмечали дискриминацию женщин при приеме на работу, увольнении, продвижении по карьерной лестнице. Многие констатировали, что женщины чаще, чем мужчины, сталкиваются с затяжной безработицей, особенно в сельской местности.

Вторая проблема — низкая представленность женщин в высших эшелонах законодательной и исполнительной власти. Для всех вертикалей власти было отмечено сохранение «гендерной пирамиды» — большая численность женщин на низших исполнительных должностях и ее уменьшение вплоть до исчезновения по мере продвижения к высоким должностям. Эксперты отмечали отсутствие законодательной базы и реальных возможностей для продвижения женщин на уровне принятия решений, отсутствие социально-экономических и финансовых ресурсов, низкую мотивацию женщин к включению в политическую деятельность.

Третья важная проблема — отсутствие в структурах региональной власти специальных институций по правам женщин / гендерному равенству. Эта ситуация характерна для Нижегородской области, Республики Татарстан, Москвы, Пермского края, Ростовской и Свердловской областей. В этих регионах вопросы положения женщин были включены в деятельность комитетов или отделов по социальной и/или семейной политике, защите интересов детей.

Однако в нескольких регионах какое-то время действовали *специальные структуры* по правам женщин. Лидировала в этом плане Самарская область — здесь еще в 2001 г. была создана Комиссия по гендерной политике при губернаторе. В состав этой межведомственной консультативной структуры вошли депутаты губернской и городских дум Самары и Тольятти, представители женских организаций, эксперты научно-исследовательских центров Самары. Возглавила Комиссию вице-спикер губернской думы. Комиссии удалось инициировать законопроекты по квотированию рабочих мест для женщин из социально уязвимых групп, одиноких и многодетных матерей, убедить администрацию области принять специальную программу поддержки женского малого бизнеса, открыть в Самаре кризисное отделение областного центра «Семья» для женщин, подвергшихся насилию. В середине 2000-х гг. Комиссия прекратила свою работу, а региональная социальная политика была переориентирована на заботу о женщине-матери, семье и детях [там же: 257—258].

В Краснодарском крае Комиссия по вопросам гендерного равенства была создана в 2007 г. Ее возглавил заместитель главы администрации (губернатора) Краснодарского края, а в состав входили 25 человек (примерно половину членов комиссии составляли чиновники, а вторую половину — руководители женских НПО, ученые, представители СМИ). Задачами Комиссии были содействие соблюдению принципа равного партнерства мужчин и женщин во всех сферах жизни; участие в защите их прав; включение гендерного подхода

в социально-экономическую и культурную жизнь края; повышение гендерной чувствительности на всех уровнях разработки, реализации и оценки эффективности социально-экономических программ; повышение уровня гендерной культуры в сфере образования и социальной ответственности СМИ за гендерное просвещение; создание возможностей для улучшения условий труда с учетом гендерной специфики; ликвидация всех форм дискриминации по признаку пола; развитие гендерной статистики. Аналогичные комиссии были созданы во всех муниципальных образованиях Краснодарского края. К сожалению, Комиссия не располагала отдельным бюджетом и находилась на полном финансовом обеспечении Департамента социальной защиты населения Краснодарского края [там же: 41—44].

При правительстве Саратовской области с 2004 по 2006 г. существовала межведомственная комиссия по вопросам улучшения положения женщин, семьи и детей. В состав комиссии входили представители органов исполнительной власти, руководители общественных организаций. Комиссия ежегодно проводила анализ социально-экономического положения женщин, был создан банк данных и в 2006 г. подготовлен доклад о положении женщин в Саратовской области. Аналогичные комиссии работали во всех муниципальных образованиях, но в 2006 г. они были расформированы, как и областная межведомственная комиссия. Позже вопросы прав женщин были переданы в ведение Комитета по социальной политике Саратовской областной думы, причем акцент был перенесен на реализацию семейной и демографической политики [там же: 257—259].

В Воронежской области в конце 1990-х — 2000-х гг. была создана специальная комиссия для разработки приоритетных направлений социальной политики в отношении женщин, усиления внимания органов исполнительной власти к их проблемам, реализации принципа равных прав и свобод и создания равных возможностей для женщин и мужчин. В комиссию вошли представители власти, активистки женских организаций, преподаватели гендерных дисциплин вузов. Помимо этого, была подготовлена программа мероприятий по обеспечению равных прав мужчин и женщин на рынке труда, а также в области принятия решений [там же: 10—11].

Для улучшения ситуации эксперты единодушно предлагали восстановить деятельность национального механизма на федеральном уровне, а затем и его региональных структур. Они подчеркивали, что важным условием эффективности работы региональных структур является обязательное включение в них женских общественных организаций и экспертного сообщества. Помимо этого, эксперты предлагали: 1) разработать региональные планы действий по реализации принципа гендерного равенства с учетом специфики проблем в регионе; 2) провести экспертизу законодательства и скорректировать его в соответствии с принципом гендерного равенства; 3) собирать региональную статистику с учетом гендерного фактора; 4) разработать меры по сокращению гендерной сегрегации рынка труда; 5) развивать гендерные исследования, гендерное образование и просвещение; 6) принять законодательные меры для предотвращения домашнего насилия и оказывать всестороннюю поддержку деятельности кризисных центров, убежищ и НПО, осуществляющих реабилитацию жертв насилия. В дополнение к этой обширной программе эксперт Е. В. Машкова настаивала

на необходимости ведения мониторинга гендерного равенства и фактов дискриминации, при этом она предложила опираться на методологию комплексного гендерного подхода, в соответствии с которой показатели гендерного равенства оцениваются не только с точки зрения обеспечения реального равенства прав женщин, но и с точки зрения преодоления гендерных диспропорций, ухудшающих положение мужчин [там же: 207—208].

Новые исследовательские ориентиры: акцент на разработку правовых норм по преодолению дискриминации

За последние 15 лет государственная социальная политика вернулась к улучшению положения женщин, демонстрируя приверженность идее гендерного равенства преимущественно на международной арене. Об этом свидетельствуют как Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023—2030 гг., так и Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 г. Это — вместе с сокращением финансирования науки — не могло не повлиять на исследования. За последние пятнадцать лет в России не было проведено ни одного масштабного социологического исследования по проблеме гендерного равенства и прав женщин. Вместе с тем возросла численность публикаций по этой проблематике. Так, в российской электронной базе данных e-libraгу представлено несколько десятков тысяч статей по различным аспектам прав женщин. Среди них выделяются фундаментальные работы О. А. Хасбулатовой, Н. С. Григорьевой, Н. Л. Пушкаревой и других [Хасбулатова, Смирнова, 2023; Григорьева, 2015; Пушкарева Н., Пушкарева И., 2021].

Однако в целом анализ публикаций показывает, что происходит количественный рост за счет качества [Кашина, Ткач, 2022]. По мнению автора, это обусловлено двумя обстоятельствами. С одной стороны, перенос акцентов в государственной политике привел к сокращению использования гендерной методологии при проведении исследований. С другой — сами исследования стали носить узко эмпирический и пилотный характер. Большинство исследовательских мини-проектов сосредоточены в социологии и ориентированы на изучение семьи, детей, родительства. При этом в них превалирует традиционный подход, основанный на понимании естественности социальных различий мужчин и женщин [там же]. Вне исследовательских интересов лежат иные социальные институты и их роль в построении гендерной системы. В еще более скромном виде проблематика гендерного равенства представлена в других областях гуманитарного и социального знания. Автор соглашается с мнением Э. Ю. Россман, что размывание предметного и методологического поля связано с попыткой уйти от политической повестки гендерного неравенства в более нейтральные темы в силу роста консервативных настроений в политической элите [Россман, 2022].

В статьях, посвященных именно правам женщин, основное внимание уделяется экономике. Это связано с тем, что нарушение прав на рынке труда по-прежнему является наиболее острой и важной темой для большинства жительниц нашей страны [Goldin, 2023; Oshchepkov, 2021]. Ведь уровень участия женщин трудоспособного возраста (16—56,5 года) в составе рабочей силы чрезвычайно высок — 79,4 % [Женщины и мужчины России... , 2022: 75]. Тема нарушения трудовых прав женщин признана актуальной и на международном

уровне — в 2023 г. Нобелевская премия по экономике присвоена К. Голдин за исследование женского рынка труда, а также за выявление ключевых факторов, определяющих гендерное неравенство [Лукьянова, 2024]. Практически во всех публикациях отечественные исследователи констатируют нарушение прав женщин на рынке труда. И это при том, что запрет на дискриминацию содержится в Конституции РФ и в Трудовом кодексе РФ. Ст. 3 ТК трактует дискриминацию как ограничение в трудовых правах и свободах, равно как и получение какого-либо преимущества в зависимости от обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника.

Основные проявления гендерной дискриминации в сфере труда сохраняются на протяжении последних тридцати лет: это вертикальная и горизонтальная сегрегация рынка труда в целом и «мужских» и «женских» рабочих мест внутри одной отрасли; гендерный разрыв в оплате труда; разнообразные нарушения прав женщин при приеме на работу [Куракова, 2023], в процессе работы и при увольнении с нее (особенно это касается беременных женщин); неравенство при оплате труда [Женщины и мужчины России... , 2022: 110; Пастушкова, 2017]; сексуальные домогательства в отношении женщин. С. С. Глушенкова подчеркивает, что в России законодательно не закреплено понятие «сексуальное домогательство», и предлагает принять следующие меры: выделить сексуальное домогательство в отдельный состав преступления либо административного правонарушения; предусмотреть ответственность работодателя за непринятие мер по противодействию домогательству; предоставлять жертве средства самозащиты при бездействии работодателя (например, обязанность работодателя перевести на другую работу в случае харассмента) и др. [Глушенкова, 2022: 306]. Актуальным остается и изучение гендерных особенностей безработицы [Перстенева, Барченкова, 2020].

Наибольшее внимание исследователи уделяют дискриминации в заработной плате, под которой понимается неравная оплата за равный труд, т. е. различия в заработной плате по признакам, не имеющим отношения к производительности работника. В российском законодательстве существует значительная правовая основа запрещения дискриминации в области оплаты труда, но исследователи констатируют ее наличие на основании пола, возраста, семейного положения и других индивидуальных качеств работников.

Важно отметить и позитивную тенденцию. Современные исследователи не просто описывают нарушение прав, но и ищут пути решения этой проблемы с помощью имеющихся юридических механизмов. При этом обнаруживается существование многих недоработок. Одной из важнейших проблем является неразвитость в законодательстве и судебной практике ясной методики выявления факта дискриминации в сфере труда и оценки того, является ли та или иная ситуация дискриминацией [Лютов, Герасимова, 2016; Лютов, 2022]. Сегодня у работодателя есть много возможностей избежать обвинений в дискриминации при приеме на работу. Так, он может сослаться на отсутствие у претендента необходимых качеств, в которые включаются не только профессиональные навыки, но и некоторые личностные качества работника (последние могут волонтерски определяться работодателем) [Хандкаров, 2020]. А при отсутствии четких критериев нарушения прав трудно доказывать факт дискриминации в суде,

который сегодня фактически является единственной инстанцией для защиты от дискриминации [Мироненко, 2023]. Весьма странно выглядит ситуация, когда на человека, получившего отказ при приеме на работу, возлагается обязанность привести доказательства, во-первых, самого факта дискриминации и, во-вторых, того, что отказ в заключении трудового договора на искомую вакансию базировался на дискриминационных основаниях. Доказать тот факт, что отказ в приеме на работу был основан на дискриминационных требованиях, почти невозможно [Монгуш, 2020]. Это зачастую приводит к тому, что при судебных исках о дискриминации вопрос решается судьей исходя из субъективной оценки и суд, как правило, принимает сторону работодателя [Фильчакова, 2023]. Одним из решений этой проблемы, полагает В. А. Монгуш, может стать создание специализированного внесудебного органа по рассмотрению и разрешению вопросов о дискриминации — например, такие полномочия можно возложить на государственную инспекцию труда.

Помимо выявления недоработок в трудовом законодательстве, анализу подвергаются и более высокие уровни законодательства. Так, О. Г. Подоплелова обратила внимание на тот факт, что «гендерные стереотипы являются одной из ключевых проблем в реализации принципов равенства и запрета на дискриминацию по признаку пола, в том числе на конституционном уровне»: «Эти принципы никогда не будут иметь полноценного воплощения на практике, если их применение будет находиться под влиянием сложившихся в обществе представлений о социальных ролях женщин и мужчин» [Подоплелова, 2018: 89]. Отмечая, что в Конституции РФ (1993) декларируется равенство мужчин и женщин во всех сферах жизни, она, тем не менее, показывает недостатки чисто формального понимания равенства, представленного в Конституции. При таком понимании конституционные нормы не предполагают возможности принятия особых мер в целях обеспечения гендерного равенства. Это приводит к двусмысленному толкованию особых мер (например, для эффективного сочетания производственных и родительских ролей). Проанализировав 600 решений Конституционного суда, которые касались реализации принципа запрета на дискриминацию, О. Г. Подоплелова пришла к выводу, что российское законодательство во многом основано на предубеждениях и устаревших представлениях о социальных ролях женщины и мужчины. Исследовательница полагает, что Конституционный суд при рассмотрении дел о различном обращении должен был бы тщательно проверять, «транслируют ли оспариваемые законодательные нормы гендерные стереотипы, и устранять их из системы правового регулирования». К сожалению, утверждает она, такой подход нечасто практикуется Конституционным судом. Нередко сам Суд оправдывает различия в обращении, вводимые по признаку принадлежности к определенному полу, гендерными стереотипами. Но, настаивает О. Г. Подоплелова, орган конституционного правосудия при рассмотрении дел о различном обращении призван особенно скрупулезно проверять, транслируют ли оспариваемые законодательные нормы гендерные стереотипы, и устранять их из системы правового регулирования.

Заключение

Представленные исследовательские стратегии в целом соответствуют тем временам, в которые они реализовывались. Проект по изучению массовых и индивидуальных представлений о правах женщин родился в период, когда в обществе были сильны ориентиры на построение социального государства, на демократическое развитие, предполагающее соблюдение прав и свобод индивида. Второй проект отражал новый этап — формирование государственной политики гендерного равенства и развитие национального механизма для ее реализации в регионах России. Современные подходы к изучению прав женщин носят двойной характер. С одной стороны, эмпирические исследования соответствуют переориентации государственной политики с осуществления гендерного равенства на защиту интересов женщин в трудовой и семейной сферах. С другой стороны, очевиден поворот исследований к анализу законодательства, выявление в нем проблемных зон и внесение предложений по его развитию для более эффективного преодоления дискриминации. Это — новый путь, и он дает надежду на позитивные сдвиги.

Список источников

- Глушенкова С. С. Гендерная дискриминация на различных стадиях трудовых отношений // Вопросы российской юстиции. 2022. № 21. С. 307—319.
- Григорьева Н. С. Гендерный подход в здравоохранении: методологический комментарий // Управление здравоохранением. 2015. № 1. С. 10—28.
- Женщины и мужчины России, 2022: статистический сборник. М.: Росстат, 2022. 208 с.
- Кандыба Н., Погодаев Н., Бояркина Е., Коновалова Н. Права человека в представлении населения города Томск // Правозащитник. 1996. № 3. С. 7—15.
- Кашина М. А., Ткач С. История развития гендерных исследований в России через анализ дискурсов их предметных полей: (по материалам анализа word-nets и word-clouds) // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 36—59.
- Козырев Ю. Н., Козырева П. М. Дискурсивность социальных идентичностей // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 23—42. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/160> (дата обращения: 15.05.2024).
- Куракова М. И. Дискриминация женщин в процессе трудоустройства в России // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2023. № 21. С. 26—28.
- Лукьянова А. Л. Время женщин: Нобелевская премия по экономике 2023 года // Вопросы экономики. 2024. № 1. С. 52—74.
- Люттов Н. Л. Определение дискриминации в сфере труда: международные трудовые стандарты и российский подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. № 4. С. 1041—1057.
- Люттов Н. Л., Герасимова Е. С. Дискриминация в сфере труда: вопросы эффективности норм и правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3. С. 100—108.
- Мироненко Е. И. Дискриминация в сфере труда: проблемы доказывания // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 4. С. 95—99.
- Михайловская И. Б., Кузьминский Е. Ф., Мазаев Ю. Н. Права человека в массовом сознании. М.: Проект. группа по правам человека: ИНТУ, 1995. 53 с.

- Монгуш В. А. Дискриминация в сфере труда: проблемы теории и практики // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 1. С. 154—175.
- Нозль-Нойман Э. Общественное мнение: открытие спирали молчания: пер. с нем. / общ. ред., предисл. Н. С. Мансурова. М.: Прогресс-Академия: Весь мир, 1996. 352 с.
- Пастушкова Л. Дискриминация в трудовых отношениях // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2017. № 6. С. 19—35.
- Перстенева Н. П., Барченкова Е. Ю. Статистическое исследование гендерных особенностей безработицы в Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 7. С. 89—97.
- Подоплелова О. Гендерные стереотипы в конституционном праве России: ловушка «особого отношения»? // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 3. С. 73—91.
- Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания. М.: МЦГИ: Моск. филос. фонд, 1998. Т. 1. 392 с.
- Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России / под ред. О. А. Ворониной, Н. М. Римашиевой, Е. А. Баллаевой. М.: МАКС Пресс, 2010. 424 с.
- Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 17—27.
- Россман Э. От социализма к социальным медиа: женская и гендерная история в постсоветской России / пер. с англ. Н. Ставрогиной // Новое литературное обозрение. 2022. № 6. С. 146—165.
- Сонин М. Я. Социально-экономические проблемы занятости женщин // Изменение положения женщин и семья. М.: Ин-т социол. исслед. АН СССР, 1977. С. 23—31.
- Фильчакова С. Ю. К вопросу о реализации принципа запрещения дискриминации в сфере оплаты труда // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 3. С. 364—370.
- Хандкаров Ю. С. Запрещение дискриминации в сфере труда: современное российское регулирование и перспективы его развития // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 390—401.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Социальный статус женщин в российском обществе (1992—2022) // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 3—19.
- Goldin C. Why women won // NBER Working Paper. 2023. № 31762. 68 p.
- Oshchepkov A. Y. Gender pay gap in Russia: literature review and new decomposition results // Gendering Post-Soviet Space / ed. by T. Karabchuk, K. Kumo, K. Gatskova, E. Skoglund. Singapore: Springer, 2021. P. 211—233.

References

- Filchakova, S. Yu. (2023) K voprosu o realizatsii printsipa zapreshcheniia diskriminatsii v sfere oplaty truda [On the issue of implementing the principle of prohibition of discrimination in the field of remuneration], *Akademicheskii iuridicheskii zhurnal*, vol. 24, no. 3, pp. 364—370.
- Glushenkova, S. S. (2022) Gendernaia diskriminatsiia na razlichnykh stadiiakh trudovykh otnosheniĭ [Gender discrimination at various stages of labor relations], *Voprosy rossiĭskoi iustitsii*, no. 21, pp. 307—319.
- Goldin, C. (2023) Why women won, *NBER Working Paper*, no. 31762.
- Grigorieva, N. S. (2015) Gendernyi podkhod v zdravookhraneniĭ: metodologicheskii kommentarii [Gender approach in healthcare: methodological comment], *Upravlenie zdravookhraneniem*, no. 1, pp. 10—28.

- Kandyba, N., Pogodaev, N., Boyarkina, E., Konovalova, N. (1996) Prava cheloveka v predstavlenii naseleniia goroda Tomsk [Human rights as perceived by the population of Tomsk], *Pravozashchitnik*, no. 3, pp. 7—15.
- Kashina, M. A., Tkach, S. (2022) Istoriia razvitiia gendernykh issledovaniĭ v Rossii cherez analiz diskursov ikh predmetnykh poleĭ: (Po materialam analiza word-nets i word-clouds) [History of the evolution of gender studies in Russia through the analysis of discourses of their subject fields: (Based on the analysis of word-nets and word-clouds)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 36—59.
- Khandkarov, Yu. S. (2020) Zapreshchenie diskriminatsii v sfere truda: sovremennoe rossiĭskoe regulirovanie i perspektivy ego razvitiia [Prohibition of discrimination in the labour sphere: modern Russian regulation and prospects for its development], *Voprosy rossiĭskoi iustitsii*, no. 7, pp. 390—401.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023) Sotsial'nyi status zhenshchin v rossiĭskom obshchestve (1992—2022) [The social status of women in Russian society (1992—2022)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—19.
- Kozyrev, Yu. N., Kozyreva, P. M. (1995) Diskursivnost' sotsial'nykh identichnostei [Discursiveness of social identities], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 23—42, available from <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/160> (accessed 15.05.2024).
- Kurakova, M. I. (2023) Diskriminatsiia zhenshchin v protsesse trudoustroĭstva v Rossii [Discrimination against women in the employment process in Russia], *Obrazovanie i nauka bez granits: sotsial'no-gumanitarnye nauki*, no. 21, pp. 26—28.
- Lukyanova, A. L. (2024) Vremia zhenshchin: Nobelevskaia premiia po ėkonomike 2023 goda [Time for women: Nobel Memorial Prize in Economic Sciences 2023], *Voprosy ėkonomiki*, no. 1, pp. 52—74.
- Lyutov, N. L. (2022) Opredelenie diskriminatsii v sfere truda: mezhdunarodnye trudovye standarty i rossiĭskii podkhod [Defining the employment discrimination: international labor standards and the Russian approach], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, no. 4, pp. 1041—1057.
- Lyutov, N. L., Gerasimova, E. S. (2016) Diskriminatsiia v sfere truda: voprosy ėffektivnosti norm i pravoprimeritel'noi praktiki [Employment discrimination: issues of effectiveness of norms and practice], *Aktual'nye problemy rossiĭskogo prava*, no. 3, pp. 100—108.
- Mikhailovskaya, I. B., Kuzminsky, E. F., Mazaev, Yu. N. (1995) *Prava cheloveka v massovom soznanii* [Human rights in the mass consciousness], Moscow: Proektnaia gruppa po pravam cheloveka, INTU.
- Mironenko, E. I. (2023) Diskriminatsiia v sfere truda: problemy dokazyvaniia [Discrimination in the sphere of labor: problems of proof], *Nauka i obrazovanie: khoziaĭstvo i ėkonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, no. 4, pp. 95—99.
- Mongush, V. A. (2020) Diskriminatsiia v sfere truda: problemy teorii i praktiki [Employment discrimination: problems of theory and practice], *Ural'skii zhurnal pravovykh issledovaniĭ*, no. 1, pp. 154—175.
- Noelle-Neumann, E. (1996) *Obshchestvennoe mnenie: Otkrytie spirali molchaniia* [The spiral of silence: Public opinion, our social skin], Moscow: Progress-Akademiia, Ves' Mir.
- Oshchepkov, A. Y. (2021) Gender pay gap in Russia: literature review and new decomposition results, in: Karabchuk, T., Kumo, K., Gatskova, K., Skoglund, E. (eds), *Gendering Post-Soviet Space*, Singapore: Springer, pp. 211—233.
- Pastushkova, L. (2017) Diskriminatsiia v trudovykh otnosheniakh [Discrimination in labor relations], *Kadrovaia sluzhba i upravlenie personalom predpriatiia*, no. 6, pp. 19—35.
- Persteneva, N. P., Barchenkova, E. Yu. (2020) Statisticheskoe issledovanie gendernykh osobennostei bezrobotitsy v Rossiĭskoi Federatsii [Statistical study of gender

- characteristics of unemployment in the Russian Federation], *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, no. 7, pp. 89—97.
- Podoplelova, O. (2018) Gendernye stereotipy v konstitutsionnom prave Rossii: lovushka “osobogo otnosheniia”? [Gender stereotypes in Russian Constitutional Law: the “special treatment” trap?], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 3, pp. 73—91.
- Prava zhenshchin v Rossii: Issledovanie real'noi praktiki ikh sobliudeniia i massovogo soznaniia* (1998) [Women's rights in Russia: A study of the actual practice of their observance and mass consciousness], vol. 1, Moscow: Moskovskii tsentr gendernykh issledovaniĭ, Moskovskii filosofskii fond.
- Pushkareva, N. L., Pushkareva, I. M. (2021) Dva veka zhenskogo dvizheniia v Rossii i ego sovremennoe sostoianie [Two centuries of women's movement in Russia and its current state], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 17—27.
- Rossmann, E. (2022) Ot sotsializma k sotsial'nym media: zhenskaia i gendernaia istoriia v postsovetsoĭ Rossii [From socialism to social media: women's and gender history in Post-Soviet Russia], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6, pp. 146—165.
- Sonin, M. Ya. (1977) Sotsial'no-ekonomicheskie problemy zaniatosti zhenshchin [Social and economic problems of women's employment], in: *Izmenenie polozeniia zhenshchin i sem'ia*, Moscow: Institut sotsiologicheskikh issledovaniĭ Akademii nauk SSSR, pp. 23—31.
- Voronina, O. A., Rimashevskaya, N. M., Ballaeva, E. A. (eds) (2010) *Prava zhenshchin i instituty gendernogo ravenstva v regionakh Rossii* [Women's rights and institutions of gender equality in the regions of Russia], Moscow: MAKS Press.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2022: Statisticheskii sbornik* (2022), [Women and men of Russia, 2022: Statistical collection], Moscow: Rosstat.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 20.05.2024.

The article was submitted 05.05.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 20.05.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Воронина Ольга Александровна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии культуры, Институт философии РАН, г. Москва, Россия, olga-voronina777@yandex.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Leading Researcher at the Sector of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).